

Игорь Филатов

День Первой Бабочки

Сборник стихов

Игорь Филатов

День Первой Бабочки.
Сборник стихов

«Издательские решения»

Филатов И.

День Первой Бабочки. Сборник стихов / И. Филатов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965416-8

В жизни каждый день может стать праздником. Надо только идти по жизни, глядя не на грязь под ногами, а на красоту, которая вокруг нас во всём, и которая словно ждёт, чтобы мы наконец её заметили.

ISBN 978-5-44-965416-8

© Филатов И.
© Издательские решения

Содержание

ФОТОСИНТЕЗ (времена года)	6
Первый снег	6
На улице сказка	7
Неуловимое	8
Последний снег	10
День Первой Бабочки	11
Что-то не так	12
Свидание	13
Вот и вишня цветёт	14
Майский вечер	15
Сверхновые	16
Начало лета	17
Тополиный пух	18
Гроза	20
Июль	21
Сон в летний день	22
Вечное лето	23
Летнее ментальное	24
Фотосинтез	25
Ноябрь	26
И ЭТО ЕСТЬ ЛЮБОВЬ?!	27
Ничто не вечно под луной	27
И это есть любовь?!	28
Вечный сюжет	29
Ковёр-самолёт	30
Растяну меха...	32
Про собаку. Любовь	33
Авось	34
Любовь втроём	35
Поцелуй	36
Я завидую красивым	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

День Первой Бабочки

Сборник стихов

Игорь Филатов

© Игорь Филатов, 2019

ISBN 978-5-4496-5416-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ФОТОСИНТЕЗ (времена года)

Первый снег

Первый снег, как первая любовь:
Чистый, беззащитный, обречённый...

Как к утрате сердце ни готовь,
Будет больно! Будет, иссечённый,
Под ногами первый снег лежать,
Умирая, превращаясь в слёзы...

Чей-то след, как чёрная печать,
Шрам на сердце, вспухшие желёзы —
Вот и всё! Лишь загустеет кровь...
Что ж, плотней захлопнем окна, двери!

Первый снег, как первая любовь —
Был и не был... Помню и не верю...

На улице сказка

«На улице сказка!» – сказала жена,
Вернувшись с прогулки с собакой.
Я глянул в окно – чистота, белизна,
Зима наступила, однако!

Весь месяц – то оттепель, то гололёд,
Глумилась погода над нами!
Промозглый, невзрачный прошёл Новый год,
Хоть ёлки сияли огнями.

И вот всё наладилось! Там, наверху
Хозяин, как видно, вернулся,
Достал одеял на лебяжьем пуху
И крикнул: «Народ, не волнуйся!

Покрою деревья, дороги, дома,
По рекам пройду льдоставом,
Метелей подброшу – зима, так зима! —
Недолго ей, бедной, осталось».

Давай нам метелей, морозов давай,
Зиме настоящей мы рады!
Но ты уж потом, в другой раз не зевай:
С весной чтоб всё было, как надо!

Неуловимое

Лёгкая, как перышко белой цапли,
Тихая, как вздох спящей любимой,
Яркая, как бриллиантовая капля,
Снежная бабочка пролетела мимо.
Пролетела и села на снег колючий,
Я за телефон – а он разряжен.
Только подумал: «И пусть! Так лучше!
Никто не поверит – с фотографией даже.
Зато лишь моим будет это чудо,
А я уж его навсегда запомню,
Поверю и объяснять не буду».
Подумал – и стало, как летом, тепло мне.
Словно во сне, отодвинул лыжи,
Сделал два шага в сугроб высокий,
Тихо присел, чтоб увидеть ближе,
И разглядел меж узоров строки,
Чистые, точные, звонко-хрустальные,
Музыку их расслышал негромкую...
Только бы мне не спугнуть эту тайну,
Не обломать, не испортить, не скомкать!
Снял рукавицы, взял осторожно —
Не улетает, лишь крылья расправила.
Ближе... увижу... запомню... О Боже!

Бабочка – раз! – и растаяла...

Последний снег 22 марта не помню какого года

Последний снег, роскошный, чистый
Летит торжественно с небес,
Ложится облаком пушистым
На голый и притихший лес.
Стволы оттаяли, чернеют,
Капель затенькает вот-вот...
Да как же он, бродяга, смеет
Идти слегка наоборот?
А может, нам его послали
Дать непонятливым понять:
Законы, правила писали,
Чтоб их порою нарушать?
Чтоб делать праздники из будней
На раз – как вздох, как акварель.
Тогда нам всё подарком будет:
Последний снег и первый шмель...

На предпоследнем, грязном, талом,
Уже готовом стать водой,
Стою я, выдохшись, усталый,
Без шапки, потный, молодой,
И лыжной палкой салютую
Такой неправильной весне.
«До ноября, дружок! – кричу я, —
Когда ты Первым станешь, снег!»

День Первой Бабочки

Сегодня я объявляю Праздник!
Хотите, отпразднуем его вместе?
Тогда от дел отряхнитесь разных,
Проблемы на плечики в шкаф повесьте
И – марш на улицу! Солнце светит!
Шагните навстречу весне с порога,
Куда хотите – вас Праздник встретит,
Какой бы вы ни пошли дорогой.
Он к вам примчится на крыльях лёгких,
Запляшет и вспыхнет нездешним светом,
Как будто из детства дней далёких
Его послали сюда с приветом.

И вдруг появится тот мальчишка,
Которым вы были назад лет триста,
И вы, с животиком и одышкой,
За ним рванёте – туда, где пристань,
Где запах тины и крики чаек,
Где пятки лижет песок горячий,
Где лет ушедших не замечая,
По небу катится солнца мячик...

А позже, вернувшись домой, усталый,
Вы красным мой день обведёте смело
И скажете: «Эх, хорошо! Но мало...»
А я вам отвечу: «Так в чём же дело?»

Что-то не так

Что-то не так... Встревожен
не на шутку я, удивлён...
Скоро апрель – и что же?
Я ещё не влюблен!

Зимой бы ещё понятно,
но для того и весна,
чтоб проступали пятна,
чтоб ночи плыли без сна,
чтоб предчувствие песни
мучило до тошноты...

Пусто в душе, хоть тресни!
Страшно от пустоты...

Скоро откроет ветер
белый вишнёвый цвет.
Как мне ему ответить,
если желанья нет?
Как я приду к фиалкам
нынешнею весной?
Их не обманешь... Жалко...
Что-то не так со мной...

Свидание

Вот и снова весна – мы дождались с тобой!
Сколько их за плечами, не будем считать.
Там, где надо, сочтут и напишут: «ЛЮБОВЬ».
И два имени рядом, а сверху – печать.

Мы, обнявшись, по узкой тропинке идём,
Лес проснулся, он светом пронизан насквозь,
Миллионы сверкающих зайчиков в нём,
И подвешено небо на солнечный гвоздь.
За орешником – помнишь? – свернуть не забыть,
Там осинки-девчонки ведут хоровод,
Ещё пара шагов – и закончится нить,
В этом месте глухом наша тайна живёт.
Здесь, под старой берёзой, в прозрачной тени,
Всю неделю незримо колдует апрель,
И сегодня должны появиться ОНИ,
Раздвигая собой прошлогоднюю прель;
Те, с которыми нынче свиданье у нас,
Без которых уже и весна не весна —
Чуть испуганный взгляд фиолетовых глаз,
Чуть помятый наряд после зимнего сна.
Мы и сами в кроссовках, «дресс-код» – пустяки!
Им бы только расцвести, нам бы только прийти,
Помечтать (мы судьбу не гневим – не с руки),
Чтоб сюда никогда не забыть нам пути.
Сядем рядом и просто на них поглядим,
Может, нежно листочков коснёмся... Ах, да!
Не склониться нельзя – этот запах храним
С нашей первой весны, и уже навсегда.

Мы подарим друг другу сегодняшней день,
Он стократ нам дороже, чем праздник любой.
Не расскажем о нём никому и нигде,
Пусть потом там, где надо, запишут: «ЛЮБОВЬ».

Вот и вишня цветёт

Вот и вишня цветёт! Я ещё раз дождался,
И вошёл, словно ветер, в душистый туман,
И приник к лепесткам, как с любимой обнялся,
И узнал: буду вечно сходить я с ума,
Когда вишня цветёт и черёмуха млеет.
Я приду через сто, через тысячу лет —
Окунуться в цветы на вишнёвой аллее
И сказать: «Здравствуй, милая!» – вечной пчеле.

Майский вечер

Пол-луны в лиловом небе
Сырным ломтиком висит,
Вечер – мёд на чёрном хлебе —
В ночь пролиться не спешит.

Отцветающая слива
Грустно пахнет в том меду.
Я иду неторопливо,
Сочиняю на ходу,

Пью шампанское черёмух,
Тереблю вишнёвый цвет,
Заворачиваю в дрёму
Майский вечер, как букет.

Улыбаюсь – стих мой странен,
Но когда пора придёт,
Лепесток воспоминаний
В сон январский упадёт.

Сверхновые

Зажглись в садах сверхновые
Созвездия лиловые —
Галактики, Вселенные...
Родился Мир Сиреневый!
Его ломают истоиво
Охапками душистыми,
Растаскивают ветками
В мирки свои бесцветные,
Чтоб вызвездил собою он
Коробочку с обоями.

Хоть раз в году – готовы мы
И сами стать сверхновыми!

Начало лета

Прольётся свет из белой чаши утра
И вспыхнет бриллиантовой росой,
И день, голубоглазый, златокудрый,
Пройдёт по ней, весёлый и босой.

В окно к тебе он, не спросясь, заглянет,
Окликнет потихоньку: «Долго спишь...» —
Расправит плечи и над миром встанет,
Едва касаясь раскалённых крыш.

Он будет сильным, щедрым и беспечным,
Раздаст садам последнюю сирень
И будет долго-долго – бесконечно! —
С тобою этот первый летний день.

Тополиный пух

В день тринадцатый июня
Золотой, тягучий, длинный,
Ровно в срок на ветках юных
Пух взорвался тополиный.

И, обсохнув мало-мальски,
Лёг на ветер зыбкой ношей,
Словно вдруг десант февральский
В середину лета сброшен.

Словно лето усмехнулось,
Все заботы отложило
И зимою обернулось —
Позабавиться решило.

И горячие метели
Понеслись по переулкам,
И лохматые кудели
Собрались в подъездах гулких,

И ледком покрылись лужи,
И седыми стали скверы.
Удивляйтесь, люди – ну же! —
Принимайте всё на веру:

Что зима настала летом,
Что в ладонях снег не тает
И с ладони вслед за ветром
Прямо в небо улетает.

Вы же век не удивлялись —
Вот как раз удобный случай,
И не ждали, а дождались,
Так, неожиданно, даже лучше.

Не выходит? Как же это?
Заработались, устали
И, конечно, в спешке где-то,
Удивленье потеряли.

И не только удивленье —
Может быть, пора проверить
И понять, что, к сожаленью,
Посерьёзней есть потери...

Сердце ржавчиной покрылось,
По душе пошла короста,
Да и совесть запылится,
За ненужностью просто.

И на что, скажите честно,
Деньги, чин, комфорта сладость,
Если кто-то неизвестно
Взял за это Вашу радость

Оттого, что, жизнь прекрасна,
Оттого, что снова лето?
Вы пахали не напрасно,
Но на что теперь все это?

Что ж, идите... Скоро осень
Чудо Вам подбросит снова.
Наступайте без вопросов —
Это просто лист кленовый.

Июль

Месяц высоких трав, месяц цветных дождей,
Время, когда ветра мёдом текут с полей.

Дни утомлённых глаз, ночи тревожных снов,
Острая, как игла, боль откровенных слов.

(...вены набухшие, ложь откровений, сладко до тошноты,
чёрные, скользкие сгустки сомнений – это ведь тоже ты...)

Месяц цветущих лип, месяц черничных губ,
Словно роскошный клип, выложенный в YouTube.

Месяц янтарных бус и золотых стрекоз,
Я иногда боюсь верить тебе всерьёз —

Слишком густой настой, вечно слегка в бреду.
Я ведь и сам такой, к счастью, лишь раз в году.

Молча терплю дожди, голый ноябрьский сад,
Мантру твержу: «Дождись!» – в зимний спускаясь ад.

Даже когда в раю пахнет в окно сирень,
Я на своём стою: «Он впереди, мой день!»

Трогаю нежно «ля» и проверяю тон,
Был бы Вивальди я, был бы один сезон.

Месяц багровых лун, месяц – ленивый блюз,
Месяц – поэт и лгун, как я тебя люблю!

Сон в летний день

Лежать меж высоких трав,
В бездонную синь смотреть,
И думать, что трижды прав,
Смирившись со словом «смерть»;
Понять, что твоя судьба —
Травинка, пустяк, штришок.
Как пух улетит со лба,
Так с губ улетит стишок
И сгинет... А может нет!
Падёт средь другой травы,
Где так же вот, на спине,
Быть может, лежите Вы,
И смотрите в ту же синь,
И видите тот же сон...

Качнётся слегка полынь,
Отдаст зверобой поклон,
И веки смежит покой,
И кажется, сладко спишь,
А сам уже стал травой,
В которой теперь лежишь.

Вечное лето

Если б я был гениальный художник,
Триптих бы создал с названием «Лето».
Яркий июнь – фиолетовый дождик,
Радуга, бабочка жёлтого цвета...

Был бы июль золотым и нарядным,
Ярко-зелёным с черничным узором,
С радостной ширью полей безоглядных
И серебром от гитар переборов.

Август, как спелое яблоко, красный,
В блёстках стрекоз голубых над рекою,
Рыжик оранжево-огнеопасный,
И звездопад в предосеннем покое.

Жаль, не художник я... Эка досада!
Или напротив? Судите же сами:
Мне ни мольберта, ни красок не надо —
Увековечил я лето словами!

Летнее ментальное

Кто-то любит зиму, я – не очень,
Лета не хватает мне для счастья,
Длинных дней, ромашковых обочин,
Груш, что так и требуют украсть их.

Кто-то любит плен, а я – свободу
От шарфов, сугробов и простуды,
От забот демисезонной моды
И прогнозов метео-зануды.

Я люблю футболки и кроссовки,
Ссадины, царапины, ушибы,
С берега люблю я прыгать ловко
И в полёте превращаться в рыбу.

Я люблю в траве лежать высокой,
Уперев глаза в кусочек неба,
Измарать язык черничным соком,
Быть для комаров вином и хлебом.

Мне по жизни любо многоцветье,
Многоточье и многодорожье.
Радужно хотел бы поседеть я,
После смерти стать коровкой божьей...

Я и осень очень уважаю,
И весну в стихах воспеть могу я.
С ними я дружу, их провожаю,
Но люблю, как водится, другую.

Фотосинтез

Золото высшей осенней пробы
Хмурым дождём по земле распято.
Бывшая роскошь – узнай, попробуй! —
Мокрые, жалкие, грязные пятна...

Счастье давно ли влетало светом
В каждую клеточку хлорофилла?
Самое светлое слово – ЛЕТО!
Самое грустное слово – БЫЛО...

Чёрные липы ждут обречённо
Холод, что скоро сожмёт сердцевину.
«Э-э... ФОТОСИНТЕЗ...» – промямлит учёный —
Умное слово, серьёзная мина...

Полноте! Слово волшебное – БУДЕТ! —
Всё исцелит и помирит нас с прошлым,
И никогда никого не осудит
Счастье, прилипшее к чьей-то подошве.

Ноябрь

Вот и пришел ноябрь,
Бог ему судья...
Может, кто любит, но я – бр-р-р! —
Ненавижу ноябрь я.

Все неустроено, запустело,
Бесцветно, промокло насмерть,
Простыло и заболело
Мерзким хроническим насморком.

Говоришь: нет плохой погоды?
Взгляни в окно – таки есть!
Злая шутка предателя-года,
За июль жестокая месть.

И что ж теперь делать с нею?

Терпеть...

молчать...

стараться не быть плохим...

Терплю! Но молчать труднее,
Чем писать плохие стихи.

И ЭТО ЕСТЬ ЛЮБОВЬ?!

Ничто не вечно под луной

...ничто не вечно под луной,
да и сама луна не вечна...

...но ты останешься такой,
как в этом платье подвенечном...

...наступит старость, смерть придет,
а вслед за ней придет забвенье...

...летит бумажный самолет,
летит в другое измеренье...

...где через тысячу времен
ты будешь ждать меня, как ныне...

...и я приду – таков закон:
я вижу все, как на картине...

...весна, и яблоневый сад,
и лепестки тебе на плечи...

...роняет день...

Ни рай, ни ад —
лишь этот миг пребудет вечен!

И это есть любовь?!

И это есть любовь?! Так вот она какая?
Зачем же лгут поэты, зачем романы лгут?
Зачем они её не назовут
Тем именем, что ей подходит более?
Болезнь она, ломающая волю,
Кусающая сердце, как змея,
Безумьем поражающая разум.
Счастливые, кто не любил ни разу,
Несчастные, кто болен, как и я.

Всегда чего-то ждать, сомненьями терзаться,
То нежностью горячей, то желчью истекать,
То глухо, безнадежно ревновать
Ко всякому, кто станет между нами;
Томительными, долгими часами
Быть рядом, видеть, слышать, говорить,
Руками невзначай соприкоснуться —
И не сказать, не выдать, не признаться...
Не правда ли, как весело любить?

Пусть тайна жжёт огнем, пусть кровь бежит по кругу,
Пусть страшно и жестоко неистовствует плоть,
И губит, и в гниущее душло
Измученную душу превращает,
Но я благодарю, а не прощаю
Несчастную, безмолвную любовь,
Так странно приоткрывшую собою
Сияющее небо голубое
Сквозь чёрную, запёкшуюся кровь.

Я знаю – всё пройдет, любовь меня отпустит,
Залечит время раны, я выживу, как пёс,
И даже задеру, как прежде, нос,
И буду вновь свободой упиваться,
И даже, может быть, слегка влюбляться...
Но не любить! Любовь и вправду зла,
Уж мне ль не знать, на что она похожа,
Не дай мне бог ещё такой! И всё же
Какое счастье, что она была!

Вечный сюжет

У него длинный-длинный нос,
Деревянна его башка,
У него недостатков – воз,
А достоинств – одно пока.

Он пришёл с рюкзачком ко мне,
Пальтецо на худых плечах,
И не принц, и не на коне,
И вообще, как жених – не ах!

Только смелый весёлый взгляд
Да улыбка на пол-лица:
«Нет проблем!» А проблемы – в ряд
Без начала и без конца.

Ищет, вроде, какой-то клад,
И врагов полно, и друзей.
Мне знакомые говорят:
«Пропадёшь ни за грош, ей-ей!

Ты его обтеши сперва,
Научи да остепени.
Пусть поймёт – ты во всём права!
Не получится – прочь гони.

Пётр Петрович в тебя влюблён,
Будет тряпкой лежать у ног,
Всё при нём, и в стихах силён.
А тому – укажи порог!»

Я не спорю, я просто жду...
Как всегда – телефон в ночи:
«Здравствуй, куколка, я иду!
Дверь открой – потерял ключи!»

Длинноносый, башка – бревно,
Забияка, хвастун, осёл...
А достоинств всего одно —
Я люблю его! Вот и всё!

Ковёр-самолёт Вместо сказки

Есть у меня ковёр-самолёт,
Старенький, надёжный.
Сел поудобней, а хочешь – лёг.
Дальше совсем несложно:

Фразу тихонько шепнул одну,
Вздыбилось облачко пыли,
И через пару-тройку минут
Крыши внизу поплыли...

Автомобили-букашки ползут,
Лента реки сверкает,
Те, что остались там, внизу,
Знать обо мне не знают.

Если и голову кто задерёт,
Вряд ли меня заметит —
Ближе я к свету, который тот...
Сплюнуть! Не шутим с этим!

Ветер догнал, рядом присел,
Свесив длинные ноги,
Чуть поболтали, и полетел
Дальше своей дорогой.

Ласточки чиркнули: вжик – и нет!
За облаками скрылись,
Только испуг холодком по спине,
Пальцы в ковёр вцепились.

Страшно! Захватывает дух!
Там, подо мною – бездна.
Глажу я ворс, заклинаю вслух:
Коврик, работай честно.

Нам ведь ещё лететь и лететь,
Нам бы с пути не сбиться,
Нам бы найти Кощееву смерть,
И изловить Жар-птицу,

Яблочек молодильных впрок
Наворовать бы надо,
Да постараться вернуться в срок,
Чтоб получить награду —

Радостный, чуть виноватый взгляд:
«Где же тебя носило?
Эти подарки – всё это зря...
Милый, я пошутила!»

Растяну меха...

Растяну меха, про любовь спою —
Хороша она, хоть и поздняя,
Золотит собой седину мою,
Ночь безлунную красит звёздами.

И не ждал совсем, а любовь пришла,
По-осеннему горько-сладкая.
Мне ведь думалось: весь сгорел до тла,
Даже угли смёл для порядка я...

Видно, искорку всё ж одну забыл,
А она полыхнула пламенем,
И такой, как есть, стал подруге мил,
А уж как она любя стала мне!

Никого мы не обездолили,
Ночи жаркие не украдены,
И не надобно лучшей доли нам,
Есть и так, чем друг друга радовать.

Я и молод был, не жалел мехов,
А теперь-то их для чего беречь?
Как уж сложится – всё принять готов!
А года не в счёт, не о них тут речь.

Про собаку. Любовь

Любая собака – не просто собака,
она всегда чей-то друг (или враг).
Вот потому, кроме прочего всякого,
мы любим (или не любим) собак.

Любовь бессмертна, я в это верю
(во что же верить еще тогда?)
Гляжу в глаза мохнатого зверя —
они отвечают мне: да! да! да!

Я точно знаю, что в райских кущах,
ещё я буду у врат стоять,
Услышу ликующий лай, зовущий
Петра и Павла меня встречать.

Мой пёс по Раю метаться будет,
по всем закоулкам и кустам,
Он всех растолкает и перебудит,
чтоб тапки бросить к моим ногам.

Я сяду – он кинется мне в объятия,
и будет, визжа, лизать лицо.
И я заплачу! А души-братья
обступят нас бесплотным кольцом.

И так будет радостна наша встреча,
как раньше горька была печаль!
Кто жил без собаки, опустит плечи,
вздохнет и подумает грустно: жаль...

АВОСЬ

Жалей не жалей о промчавшемся лете,
О лёгкой, как вздох, стрекозиной любви,
Ноябрь-злодей хладнокровно стилетом
Зарежет не больно и скажет: живи!

Уже под ногами не золото – слякоть,
И капли на голых продрогших ветвях.
И вправду, не больно, но хочется плакать,
И где-то под сердцем колеблется страх:

А вдруг – навсегда, и не будет апреля
(От мысли такой не сойти бы с ума!),
И всё, что осталось, – коптить еле-еле,
Пока не затащит удавку зима.

Ты пишешь, у вас ещё можно купаться,
Что скучно тебе – стрекозе бы летать!
А мне (ты забыла?) три раза по двадцать.
Ноябрь – приговор: эпикриз и печать.

Лист клёна пригрелся на ветке сосновой,
Снежок на зелёной траве – дежавю.
Ты пишешь, что летом мы встретимся снова.
Не знаю... Быть может... Авоось, доживу...

Любовь втроём

Скажи, отчего ты боишься меня целовать?
Я вовсе не старый пират и не мерзкий пропойца.
Ты мне отдаёшь всю себя, только где же слова,
Глубокие, тайные, словно древесные кольца?

Где жаркий, прерывистый шёпот, похожий на бред,
Где стон нутряной, от которого губы немеют?
Ты любишь старательно, словно готовишь обед,
И веришь сама, но меня обмануть не умеешь.

Я знаю причину – со мной тебя любит другой,
И это ему, а не мне ты отчаянно рада,
Ласкаю тебя я ЕГО ненасытной рукой,
А ты изменяешь обоим. А может, не надо?

Скажи, что не любишь, что думаешь только о нём,
А я оказался на счастье/несчастье под боком,
И мы, как спортсмены, в Fair Play простыни изомнём,
Возьмём друг у друга по-честному: око за око.

Нет, я не ревную, я просто пытаюсь понять
Тебя и себя – и сломать сволочной треугольник,
Мне страшно делиться тобою опять и опять,
А разве тебе разрываться меж нами не больно?

А может, ОН только мечта? Знаешь, не удивлюсь...
А может, всё проще – меня тебе попросту мало?
Нет, лучше молчи, притворяйся, иначе боюсь,
Ромео не сможет сдержать сумасшедшего мавра.

Пусть будет, как будет – старайся, терпи, изменяй,
Устанет кривляться душа, будто рожица мима.
Когда-нибудь вместо НЕГО ты увидишь МЕНЯ
И шёпотом, из глубины пролепечешь: «Любимый...»

Поцелуй

Поцелуй – это цветок,
Сорванный в лучшей своей поре...
Жадный тюльпан с чёрным атласным лоном,
Фиалка, желание таящая под стыдливостью,
Чувственная роза и бесстрастная орхидея,
Гордец-гладиолус и ромашка-простушка,
Робкая мимоза, репейник колючий,
Целомудренная хризантема...

Поцелуй – это цветок, сорванный с чьих-то губ.

Я завидую красивым

Я завидую красивым,
Белозубым, чернобровым,
Полным юной, дерзкой силы,
Ослепительно здоровым.

Их улыбки жгут мне щёки,
В сердце болью отдаются.
Я смотрю им вслед с упреком,
А они себе смеются,

А они не понимают,
Как бессовестно богаты,
А они и знать не знают,
Как жестоко виноваты:

Предо мною и другими,
У кого такие лица,
Что не очень станешь ими
Любоваться и гордиться.

С лиц не воду пить, известно!
И, возможно, я не хуже,
Даже лучше, если честно,
Но внутри, а не снаружи.

А снаружи так невзрачно,
Так убого и бессильно!
Так неловко, неудачно,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.